

The background of the cover is a detailed illustration of a historical workshop, likely a bookbinding or papermaking studio. In the foreground, a woman with brown hair tied back, wearing a dark brown long-sleeved shirt and a blue apron, is focused on operating a large, heavy wooden press. She is using a long wooden handle to adjust a screw mechanism that is clamping a stack of papers or book blocks. To her left, in the background, a man with a mustache and glasses, wearing a white shirt, a dark tie, and a grey vest, is seated at a wooden table. He is holding and examining a piece of aged, yellowed paper. The room is filled with various items related to bookbinding: stacks of paper, finished books with worn leather covers, and tools. A large window on the left side of the room lets in bright, warm light, revealing a glimpse of a cityscape with domed buildings outside. Bookshelves filled with books line the walls, and a small potted plant sits on the windowsill. The overall atmosphere is one of quiet, diligent craftsmanship.

Игорь Орлав

Письмоводитель и переплётчица

КодМЫ

Исторический роман

Игорь Орлав

Письмоводитель и переплётчица

«Автор»

2026

Орлав И.

Письмоводитель и переплётчица / И. Орлав — «Автор», 2026

Тверь, 1896 год. Пожар уничтожает записи переплётной мастерской Дарьи Коробовой. Чтобы получить деньги за школьные книги, ей приходится восстанавливать счета, искать свидетелей и отвечать за собственные ошибки. На помощь приходит земский письмоводитель Павел Веденин. За повреждёнными листами и вечерним чтением возникает близость — но о будущей семье они думают по-разному. Дарья намерена сохранить своё дело, а Павел уверен, что забота должна избавить её от работы. Одна написанная им записка ставит под угрозу и заработок, и доверие.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Мокрый корешок	5
2. Два конца бумаги	8
3. Чужой почерк	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Игорь Орлав

Письмоводитель и переплётчица

1. Мокрый корешок

Дарья подцепила лист костяной гладилкой, и у неё в руке остался угол с цифрой семь. Остальное расползлось по доске, как разваренная лапша.

— Не трогай больше, — сказала она Ксене. — Принеси сухой бумаги. Только чистой. Газету не надо.

Девушка стояла по щиколотку в воде и держала над головой жестяную коробку с буквами для тиснения. Поставить её было некуда. На столе лежали вынесенные из шкафа книги, на табуретах — картон, на подоконнике — клеянка, полная чёрной жижи. Вчера это была книга заказов за три года.

За выбитым дворовым окном ещё дымился сарай. В нём хранил стружку жилец из мезонина; оттуда огонь перебрался на навес, под которым стоял вынесенный на время починки шкафа ящик Дарьиных бумаг. Ящик облили прежде, чем вынесли. Дарья успела увидеть, как вода побежала из щелей, и почему-то подумала, что завтра придётся менять дно.

Теперь дно было самым целым, что у неё осталось.

Третье сентября 1896 года началось в Твери ясным, почти летним утром. К полудню в мастерской стало душно; Дарья открыла обе створки окна и досадовала, что сохнувшие корешки собирают пыль. Вечером через это же окно пожарные лили воду. Никто в доме не пострадал. Евдокия Петровна, сдававшая Дарье мастерскую и комнату за ней, повторяла это каждому входящему, будто просила не предъявлять к нынешнему дню других требований.

— Главное, все живы.

— Живы, — соглашалась Дарья и снова смотрела на доску.

Мокрая тетрадь пахла гарью сильнее сгоревшего дерева. Чернила проступали через листы, складывались в несуществующие слова. Дарья искала сентябрьский заказ уездной управы. Девяносто шесть книг для школьных библиотек, по шестидесяти копеек за переплёт. Десять рублей она получила вперёд. Остальные сорок семь рублей шестьдесят копеек полагались после приёмки. Сорок семь шестьдесят — эта сумма была у неё уже разложена в уме: поставщику, хозяйке, Ксене, на новый запас коленкора.

Книги она отдала. Расписки теперь лежали под ладонью, но сказать, где кончалась одна и начиналась другая, было нельзя.

В дверь постучали. На пороге показался длинный человек с бумажным свёртком под мышкой. Он снял шляпу и сразу наклонился, чтобы не задеть низкую притолоку.

— Простите. Я не знал.

Дарья узнала заказчика по очкам. Неделию назад он принёс старый географический атлас с выломанной крышкой и попросил сохранить на форзаце детскую надпись. Сам атлас был ей не особенно интересен, зато надпись — «Павлу за прилежание, которого желаем и впредь» — показалась такой суровой наградой, что она запомнила владельца.

— Ваш не сгорел, Павел Андреевич. На верхней полке. Только сегодня отдавать не стану: здесь всё мокрое.

— Я пришёл не за ним. Мне достали недостающий лист. Я говорил о карте Африки.

Он сделал шаг, остановился перед водой и положил свёрток на оставшийся сухим край прилавка.

— Чем помочь?

— Вот эту доску переставьте к окну. Горизонтально. Не наклоняйте.

Веденин взял доску за края. Дарья ожидала вопроса, зачем сохранять грязь, но он не спросил. Узкоплечий, с большим носом и светлыми усами, он держал доску с таким вниманием, будто на ней лежал не размокший счёт, а открытый часовой механизм. Подойдя к окну, сперва проверил, не качаются ли подставленные табуреты.

— Здесь дует, — сказал он.

— Поэтому и поставьте. Прямо к печке нельзя.

Они освободили второй стол. Ксения принесла из комнаты простыню и накинула себе на плечи, потому что мокрое платье начало холодить. Дарья велела ей идти домой. Девушка покосилась на коробку с буквами.

— Завтра пересчитаю.

— Завтра.

Ксения ушла, ступая так осторожно, словно боялась оставить без присмотра каждую половицу. Веденин помог вынести воду в вёдрах, потом повесил сюртук на гвоздь и в одном сером жилете принялся подбирать с пола картон. Дарья увидела тёмные круги под мышками у него на рубашке и впервые перестала думать о нём как об аккуратном заказчике.

Когда из досок уже не хлюпало, она села на перевёрнутый ящик.

— Вы ведь по письменной части?

— Письмоводитель при губернской земской управе.

— А за нас получить с уездной можете?

Он вытер пальцы платком.

— Получать за вас мне нельзя без полномочия. А разобраться можно. Что именно пропало?

Дарья перечислила тетради, пачки расписок, письма заказчиков. Голос её сперва звучал деловито. Потом она вспомнила маленькую книжку в зелёной бумаге, где отец рисовал узоры для углов, и замолчала.

— Все счета были здесь? — спросил Веденин.

— Не все. Некоторые люди и сами ещё помнят, что должны.

— А некоторые будут помнить иначе.

Ей не понравилась готовность, с которой он это произнёс.

— У меня не воры заказывают.

— Я не о воровстве. Человек помнит, что отдал деньги, и забывает, за какую книгу. Вы помните, что сдали работу, но не всякая сдача означает приёмку.

— Если человек унёс книгу, он её принял.

— Для него, возможно. Для расходной записи этого может оказаться мало.

Дарья подняла голову. Он не поучал; говорил устало, глядя на тетрадь, которую она ещё час назад пыталась раскрыть силой. Это было хуже поучения. Выходило, что он сообщает о вещи, которую нельзя уговорить.

Она объяснила про школьные книги. В управе их принимал сторож, а две последние связки по просьбе служащего отвезли прямо в школу Надежды Тимофеевны. Дарья дала бумажку. Кажется, на ней было двенадцать. Бумажка находилась в ящике.

— Кажется? — переспросил Веденин.

— Двенадцать книг. Две связки. По шесть.

— Тогда завтра начнём с записи самого заказа. Второй его конец должен остаться у них.

Он спросил разрешения взять чистый лист и составил короткий перечень. Дарья следила, как из беспорядка рождается три строки. Почерк был мелкий, без украшений, с широким промежутком между словами. Так мог писать человек, заранее допускавший, что читать будет кто-то другой.

— Я утром на службе, — сказал он. — Зайду после трёх. Если вам удобно.

— Удобно.

У дверей он обернулся.

— И не склеивайте обрывки, пока не высохнут. Мы можем закрыть шов как раз поверх нужной цифры.

— Клеить меня не учите.

Он смутился, и Дарья вдруг пожалела о резкости. Но извиняться не стала. Вместо этого достала с верхней полки атлас и показала ему целую крышку.

— Видите? Ваше прилежание спасено.

Веденин улыбнулся, не сразу поняв, о чём она. Потом глянул на форзац и рассмеялся. Смех у него оказался негромкий и совсем не канцелярский.

2. Два конца бумаги

Утром Дарья сняла вывеску. На железе, ещё недавно коричневом, проступили оранжевые потёки. Слова «Переплётная мастерская Д. С. Коробовой» были различимы, только последнюю букву закоптило. Ксения приняла это за закрытие и спросила, когда ей приходить за расчётом.

— Когда я вымою вывеску, тогда повесим, — ответила Дарья.

Девушка кивнула слишком быстро. Ей было девятнадцать; она жила с матерью и двумя младшими братьями и считала свои четыре рубля в месяц задолго до получения. Дарья знала это и всё же почувствовала обиду: не успела высохнуть вода, а помощница уже думает, как уйти.

Ксения между тем взяла ведро и сама отнесла вывеску во двор.

В уездную управу они с Ведениным пришли на следующий день. Дарья надела воскресную блузу с высоким воротом. Ворот царапал кожу, а пальцы после мытья остались сероватыми по складкам. Она спрятала их в перчатки, но сняла перчатки ещё у лестницы: в них было неудобно держать бумаги.

Веденин поздоровался с двумя служащими, однако не пошёл за перегородку, где хранились дела. Это успокоило Дарью. Она боялась, что он начнёт устраивать всё без неё, как люди устраивают чужую свадьбу: с радостью, но не особенно спрашивая жениха и невесту.

Бухгалтер Левицкий оказался полным человеком с красными веками. Он долго развязывал тесёмки папки, затем вынул лист, на котором имя Коробовой стояло над суммой.

— Заказ есть. Девяносто шесть переплётов. Условие тоже есть. А к выдаче у меня восемьдесят четыре.

— Девяносто шесть сданы, — сказала Дарья.

— Приняты восемьдесят четыре.

— Двенадцать отправили Надежде Тимофеевне. Вы сами велели, через Григория.

— Я велел? — Левицкий поднял на неё свои усталые глаза. — Я к выдаче книг отношения не имею. Может быть, письмоводитель. Может быть, член управы. Григорий возит то, что ему дадут.

Он показал приёмную запись. Против восьмидесяти четырёх стояли дата и подпись. Ниже, другим почерком, было написано: «12 — отдельно».

Дарья подалась вперёд.

— Вот же!

— Это отметка о передаче. Где удостоверение, что переплёт годен?

Веденин попросил показать условие. В нём значилось, что книги должны быть сшиты заново, снабжены крепкими крышками и представлены для осмотра. По указанию управы часть могла быть отправлена непосредственно школе. Дарья помнила последнее требование лучше остальных: оно добавило работы со свёртками, а денег за развоз не прибавляло.

— За принятые восемьдесят четыре можно получить, не отказываясь от остатка? — спросил Веденин.

— Отчего нельзя? Пятьдесят рублей сорок копеек, десять в зачёт полученного вперёд. Сорок сорок. Подаст отдельный счёт. Против оставшихся двенадцати будет пока ожидание.

Левицкий говорил без раздражения. Дарья же слышала в каждом слове сомнение. Ей хотелось поставить перед ним все девяносто шесть книг разом, чтобы вес стопы ответил за неё.

— Только не пишите «полный расчёт», — сказал Веденин, уже обращаясь к ней.

— Я читать умею.

Он чуть склонил голову. Левицкий не вмешался.

Из управы Дарья вышла с копией условия, справкой о принятой части и адресом учительницы. Копию для неё сняли за отдельным столом с разрешения служащего; Веденин сверил

числа, Дарья — описание переплёта. Им пришлось ждать почти час. За это время она успела трижды решить, что никакой пользы от ожидания нет, и трижды посмотреть на лежавшую под стеклом приёмную запись.

На улице она сказала:

— Они думают, раз мои бумаги сгорели, можно прибавить всяких затруднений.

— У них затруднение тоже было до пожара. Только вы о нём не знали.

— Вы всегда на стороне того, у кого стол?

Веденин остановился.

— Я сейчас хотел, чтобы вы получили сорок рублей сорок копеек. Это чья сторона?

Дарья не ответила. К воротнику прилипла нитка, и она долго пыталась подцепить её ногтем.

Веденин помогал земским посетителям много лет. Он умел объяснить, почему возвращено прошение, и удержать человека от бесполезной ссоры с рассыльным. В душе он считал себя особенно терпеливым к людям, не знакомым с порядком. Сейчас ему впервые пришло в голову, что терпение бывает неприятно тому, на кого его тратят.

— Простите, — сказал он. — Я, видно, говорю с вами как в приёмной.

— А я как с запертой дверью.

Они пошли дальше. У Тьмаки воздух стал прохладнее; с воды тянуло мокрым деревом. Дарья свернула в переулок к своей мастерской. Здесь дома стояли теснее, чем возле управы, и через открытые ворота можно было видеть всю дворовую жизнь: развешенное бельё, козлы для пилки, ступеньки, заставленные горшками. Веденин придержал створку, которую ветер вынес на тротуар, и пропустил Дарью вперёд.

На углу продавали яблоки. Дарья купила три: одно Ксене, одно себе и одно ему. Яблоки были маленькие, с прозрачными ржавыми пятнами. Веденин завернул своё в платок.

— Вы не едите на улице?

— Нет.

— Отчего?

— Не знаю. Не приходилось.

Дарья надкусила своё и едва не скривилась.

— Тогда берегите. Оно того не стоит.

Он посмотрел на яблоко, потом на неё, и всё-таки откусил. Усы у него смешно поднялись.

Они засмеялись оба. После управы это было почти неприлично легко.

Дома Дарья написала счёт на сорок рублей сорок копеек. Веденин прочёл, но не стал переписывать её крупные неровные буквы. Только показал место, где надо было уточнить число принятых книг. Она внесла поправку сама.

Затем они принялись за ящик. Каждый сохранившийся клочок клали отдельно; рядом помещали записку о том, где его нашли. Дарья сперва предложила соединять куски по смыслу, но Веденин возразил: из двух сходных счетов так можно сделать один, которого никогда не существовало.

К вечеру на столе оказалось семь маленьких кучек и одна большая, где ничего нельзя было прочесть. Большую Дарья отодвинула к себе.

— Это пока, — сказала она.

Веденин не стал соглашаться и не стал спорить. Он отнёс к лампе очередной лист, оставив ей право ещё немного смотреть на обгоревшие края.

3. Чужой почерк

Через неделю мастерская снова пахла клеем. Рама была заколочена временно; на свежих досках висели капли смолы. Евдокия Петровна простила половину платы за сентябрь, но насчёт нового шкафа сказала прямо: шкаф не часть дома, пусть хозяйка ремесла сама о нём заботится.

Сорок рублей сорок копеек Дарья получила в среду. До мастерской она несла деньги за пазухой, хотя прежде смеялась над такой привычкой отца. Дома отсчитала Ксене жалование, отложила за квартиру и бумагу. После этого сумма, ради которой пришлось столько ходить, стала небольшой горсткой монет.

— Зато расчёт верный, — сказала она.

Веденин сидел у соседнего стола и пытался установить, кто подписал уцелевшую расписку. Перед ним лежали два ответа на его запросы. Один заказчик подтвердил долг, другой прислал квитанцию, из которой выходило, что давно заплатил. Дарья помнила получение денег совсем иначе. Они сравнили даты и обнаружили, что она держала в уме соседний заказ, сделанный тем же человеком для брата.

В новой тетради пришлось перечеркнуть первую уверенно записанную сумму.

— Хорошее начало, — сказала Дарья.

— Для него хорошее. Ему не придётся платить второй раз.

— Не утешайте меня его счастьем.

Павел Андреевич послушно промолчал. Однако вечером, когда она подала чай, нарочно спросил, заплачен ли уже сахар. Она шлёпнула его полотенцем по рукаву. Ксения, никогда прежде не видевшая хозяйку за таким занятием, спрятала лицо в плечо.

Восстановление шло медленнее, чем надеялась Дарья. У всякой бумаги оказывалась собственная история. На клочке, принятом за счёт, находили размеры крышки; за перечнем долгов обнаруживался список полученных заказов. Отец иногда писал суммы в одну строку с адресами, потому что берег место. Дарья когда-то считала это особенной ловкостью мастера, которому всё понятно без разграфлённых книг. Теперь она проводила карандашом новые колонки и сердилась на человека, спокойно жившего у старшей дочери в Торжке.

Савелий Коробов продал ей свои инструменты три года назад, частями, в рассрочку. Дарья настояла на продаже: ей казалось унижительным получить дело в подарок, будто свадебную шаль. Последние деньги отец взял с недовольным видом и тотчас принялся объяснять, что большой пресс стоит дороже. Она ответила, что цену следовало назначать раньше. С тех пор отец в письмах именовал её «дорогая хозяйка», и никогда нельзя было понять, дразнит он или хвалит.

От него уцелела расписка о полном расчёте. Она лежала не в ящике, а в шкатулке с серьгами.

— Значит, за пресс вы спокойны, — сказал Веденин, прочитав её.

— За пресс я всегда спокойна. Если поставить его на ровный пол.

Она показала, как проверить доску ладонью. Павел попытался повторить и сразу провёл пальцами по свежему клею. Пришлось отмывать ему руку тёплой водой. Он стоял над тазом, терпеливо подставляя длинные пальцы, а Дарья думала, что видит их не хуже, чем видит собственные. На среднем пальце у него была плотная мозоль от пера. У неё на том же месте оставался след от ножа.

— Вы ведь целый день пишете. Ещё и здесь.

— Здесь больше читаю.

— Одни долги.

— Не одни.

Он посмотрел на атлас. Недостающая карта ждала на верхней полке: в первую неделю после пожара Дарья не могла заняться частным заказом, не испытывая досады на его благополучие. Теперь она сняла книгу и предложила ему выбрать бумагу для форзацев.

Веденин выбрал самую скучную, палевую, с редкими точками.

— Там на карте уже достаточно цвета, — оправдался он.

Дарья развернула тёмно-синюю с разводами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.